

**Виктор Дмитриевич Кудрявцев-
Платонов**

Сочинения

Том II. Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В43

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов
В43 Сочинения: Том II. Выпуск 2 / Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 354 с.

ISBN 978-5-458-04927-6

Посмертное издание собрания сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мирозерцания и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и рациональной психологии.

ISBN 978-5-458-04927-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Типографіи А. У. Снегиревой
въ Москвѣ и Сергіевомъ Посадѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
1. О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго.	1— 61
2. О религіозномъ индиферентизмѣ.	62—103
3. Изъ чтеній по философіи религіи	104—347
I. Первобытная религія. 104 — 154; — II. Политеизмъ. 154—231; III. Религіи некультурныхъ языческихъ народовъ. 231—267; IV. Религіи культурныхъ языческихъ народовъ. 267—347.	

О ЕДИНОБОЖІИ,

какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго *).

Для спасенія рода человѣческаго Промыслу Божію благоугодно было не только сообщить людямъ истины вѣры и правила жизни, на которыхъ зиждется религія, но и опытно показать, какъ они необходимы для человѣка, и тѣмъ содѣйствовать ихъ воспріятію и утвержденію въ его душѣ. Священное Писаніе содержитъ посему не только положительное ученіе Откровенной религіи, но излагаетъ самую исторію человѣчества въ религіозномъ отношеніи. Оно изображаетъ жалкое состояніе падшаго человѣка, и различные пути, соотвѣтственные духовнымъ нуждамъ его въ различные времена, коими Промыслъ Божій, предохраняя человѣка отъ заблужденій, велъ его къ совершенству и спасенію чрезъ вѣру въ Спасителя міра. Такимъ образомъ, исторія религіи въ родѣ человѣческомъ есть исторія домостроительства Божія о спасеніи человѣка, и служить къ тому, чтобы содѣлать яснымъ для вѣрующаго разума планъ и нужду сего домостроительства.

Итакъ въ Священномъ Писаніи, по самому существу и цѣли его, какъ откровеннаго Богомъ ученія, должны находиться самыя достовѣрныя свѣдѣнія о началѣ религіи и ея судьбахъ въ родѣ человѣческомъ. Понятно посему, отчего съ ослабле-

*) Эта статья была напечатана въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ“ за 1857 г. ч. XVI, стр. 328—416.

ніємъ вѣры въ истину Откровенія, ослабѣла и увѣренность въ истинѣ той исторіи вѣры, которую изображаетъ Священное Писаніе. Сомнѣніе въ истинѣ историческихъ сказаній Священнаго Писанія побудило разумъ обратиться къ другимъ, не столь вѣрнымъ источникамъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи и исторіи религіи въ человѣчествѣ; а неполная достовѣрность источниковъ, въ соединеніи съ предубѣжденіемъ противъ истины Откровенія, легко привела къ ложнымъ понятіямъ о религіи и ея исторіи.

Первое появленіе въ христіанскомъ мірѣ такихъ независимыхъ отъ Священнаго Писанія и противныхъ ему изслѣдованій о религіи мы замѣчаемъ съ распространеніемъ невѣрующей учености въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Но попытки подобныхъ изслѣдованій, составленныя подъ преобладающимъ вліяніемъ матеріализма и атеизма, не могли, ни быть беспристрастными, ни имѣть даже внѣшняго вида сколько нибудь важнаго наукообразнаго изслѣдованія. Отвергая, или подвергая сомнѣнію самыя основныя и священнѣйшія истины религіи, самую религію почитая слабостію ума, невѣрующіе ученые XVIII столѣтія не могли уже охотно заниматься трудолюбивымъ и усерднымъ изученіемъ исторіи религій, или философскимъ изслѣдованіемъ ихъ началъ. Отъ того теоріи и исторіи религій, ими составленныя, представляютъ поверхностныя, лишенные историческаго основанія взгляды, достойныя поверхностной философіи того времени *).

Болѣе значенія имѣютъ новѣйшія изслѣдованія касательно религіи, возбужденныя новымъ движеніемъ философіи и исторіи въ настоящемъ столѣтіи. Какъ та, такъ и другая, не смотря на различныя понятія о сущности и значеніи религіи въ различныхъ системахъ, признали самую религію, какъ дѣйствительное и всеобщее явленіе въ родѣ человѣческомъ, существеннымъ и необходимымъ проявленіемъ духа человѣческаго, и какъ на такое проявленіе обратили на него то вниманіе, какого оно заслуживало. Съ одной стороны, философія, не ограничиваясь изложеніемъ общихъ теоретическихъ понятій о

*) „Primos deos feci timor“: къ этому изреченію Римскаго поэта сходятся въ сущности взгляды на религію и ея начало у Вольтера, Дидро, Д'Аламберта и ихъ послѣдователей.

Божествѣ и Его свойствахъ, обратила вниманіе на различные виды сихъ понятій у разныхъ народовъ и старалась раскрыть значеніе и взаимную связь различныхъ религій. Наиболѣе извѣстныя философскія системы новѣйшаго времени (каковы Шеллинга и Гегеля), кромѣ общихъ философскихъ вопросовъ естественной религіи, старались теоретически объяснить различные виды, въ какихъ являлась религія въ родѣ человѣческомъ, и законы ихъ преемственности, и тѣмъ положили основаніе новому отдѣлу въ системѣ философскихъ наукъ, такъ называемой ими *философіи религій*. Съ другой стороны, исторія, подѣ влияніемъ философіи, разширивъ свой взглядъ, не стала ограничиваться однимъ изслѣдованіемъ политическихъ событій въ жизни народовъ. Она признала, что кромѣ внѣшнихъ событій, жизнь народовъ и человѣчества опредѣляется внутренними силами и началами ею управляющими; религія народовъ, какъ одна изъ такихъ силъ и началъ исторической жизни, не могла не обратить на себя теперь вниманія исторіи, какого она прежде мало удостоивалась.

Этими особенностями направленія философіи и исторіи, преимущественно въ Германіи, объясняется, почему вопросы о религіи и судьбахъ ея занимаютъ важное мѣсто въ современной наукѣ, и почему изслѣдованія о религіи вообще и религіяхъ различныхъ народовъ составляютъ значительный отдѣлъ сочиненій въ современной философіи и исторіи, богатство котораго особенно замѣтно въ сравненіи съ скудностію подобныхъ изслѣдованій въ предъидущія времена.

Христіанскую любознательность должно привлекать къ себѣ не столько современное значеніе этихъ изслѣдованій, сколько важность предмета, имѣющаго самое тѣсное отношеніе къ существеннымъ убѣжденіямъ вѣры, и опасности, какія могутъ возникнуть для вѣры, въ случаѣ неправильнаго пониманія сего предмета. А нельзя сказать, чтобы такихъ опасностей не существовало въ настоящее время. Не смотря на то, что новѣйшія изслѣдованія о религіи, и по большей внимательности къ своему предмету и по тому значенію, какое они приписываютъ ей, далеко оставляютъ поверхностныя и исполненныя предубѣжденія сужденія о религіи энциклопедистовъ XVIII-го вѣка, часто въ сущности или по своимъ выводамъ, они не менѣе противны ученію Откровенія, какъ и эти послѣднія; но

опаснѣ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ съ большею силою и искусствомъ пользуются оружіемъ разума.

Общее исходное начало большей части изслѣдованій о религіи, новѣйшаго времени, есть принятое новѣйшею философіею понятіе о постепенномъ и постоянномъ движеніи рода человѣческаго отъ несовершенства къ совершенству, понятіе, которое возводятъ въ общій законъ жизни народовъ и человечества для всѣхъ ея обнаруженій.

Приложенное къ исторіи религіи понятіе о *прогрессѣ* привело къ мысли о постоянномъ естественномъ развитіи и усовершенствованіи религіи. По этой мысли, какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и въ религіозномъ, родъ человѣческій находится сначала въ самомъ грубомъ и дикомъ состояніи. Подавленный вещественными пуждами, въ первобытныя времена своей жизни человѣкъ не имѣетъ понятія и не заботится ни о чемъ сверхъчувственномъ, потомъ съ постепеннымъ освобожденіемъ его отъ узъ природы, съ пробужденіемъ силы разума, являются и первые слѣды религіи; но эта первоначальная религія также несовершенна, какъ и самъ человѣкъ; это — грубое обожаніе чувственныхъ предметовъ. За тѣмъ являются болѣе и болѣе развитыя, разнообразныя формы многобожія въ ихъ законосообразномъ преемствѣ, раскрываемомъ философіею. Единобожіе, какъ плодъ болѣе зрѣлаго разума, не скоро смѣняетъ религіи, признающія многихъ боговъ; но и оно не есть окончательный видъ богопознанія; и оно въ свою очередь служитъ для ума переходною ступенью изъ области положительныхъ вѣрованій въ область свободнаго философскаго познанія Божества *).

*) Первое раскрытіе такого понятія о религіи мы находимъ въ философскомъ и историческомъ изслѣдованіи о религіи Юма. Философія религіи Гегеля въ сущности раскрываетъ ту же идею постепеннаго восхожденія религіи отъ несовершенства къ совершенству. „О непосредственной религіи, говоритъ онъ, думаютъ, что она должна быть самою истинною, самою превосходною, божественною религіею, и что она должна быть исторически первою. По нашему взгляду, она есть самая несовершенная, а отъ того и первая, тогда какъ, по вышесказанному представленію, она хотя первая, но самая истинная“. Отвергая потомъ понятіе о первоначальномъ совершенствѣ человѣка, онъ такъ понимаетъ первоначальное состояніе: „состояніе невинности есть то, въ которомъ для человѣка нѣтъ еще ничего ни добраго, ни злаго. Это состояніе животнаго, состояніе безсознательности, когда человѣкъ не знаетъ

Подобное, основанное на теоріи постепеннаго усовершенствованія человѣчества, понятіе о началѣ и историческомъ ходѣ религіи, не только противорѣчитъ исторіи ея, изображенной въ Священномъ Писаніи, но въ своихъ слѣдствіяхъ приводитъ къ отверженію самаго основанія Откровенной религіи,—необходимости Откровенія. Ибо, если разумъ въ дѣлѣ религіи, по естественнымъ своимъ законамъ, неизбѣжно долженъ идти отъ несовершенства къ совершенству, и самое несовершенство его въ отношеніи къ религіи на различныхъ ступеняхъ развитія его, не есть что-либо противное его природѣ, но естественно и законно, то какая нужда для него въ особенномъ, божественномъ Откровеніи? Какая цѣль сего послѣдняго? Не будетъ ли оно только ненужнымъ нарушеніемъ естественнаго хода развитія, путемъ котораго человѣкъ самъ собою достигаетъ религіознаго совершенства?

Наша цѣль,—изслѣдовать главные основанія упомянутаго взгляда на религію, и показать, дѣйствительно ли религія рода человѣческаго въ началѣ была грубою и несовершенною, а все послѣдующее ея движеніе представляетъ постоянное восхожденіе къ большому и большому совершенству? Рѣшенія

ни о добрѣ, ни о злѣ, когда то, что онъ хочетъ, не опредѣленно для него какъ то, или иное, поелику не зная о злѣ, онъ не знаетъ и о добрѣ". Соотвѣтственно такому началу, у него первая форма религіи есть *религія природы*, раскрывающаяся какъ религія *волишебства* (дикарей и Китая), потомъ какъ религія *фантазій* (Индійская) и наконецъ какъ религія *свята* (Зороастрова) и *загадки* (Египетская). Затѣмъ слѣдуютъ религіи *духовной индивидуальности* (Иудейская, Эллинская и Римская) и наконецъ *абсолютная религія* (христіанская), представленная съ точки зрѣнія его системы (Vorlesungen über die Philosophie der Religion, 1832 г. В. 1. р. 190. 193). Послѣ Гегеля, мысль о первобытной религіи, какъ грубомъ натурализмѣ, и о послѣдовавшемъ усовершенствованіи ея, часто повторяется въ различныхъ философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ (напр. см. Ed. Röth, Geschichte Abendlând. Philosophie, 1846. В. 1. р. 334 347. Wuttke, Geschichte des Heidenthums, Th. 1. 1853. и др.). Крайнее развитіе подобныхъ понятій о религіи въ настоящее время представляетъ выродившаяся изъ Гегелевой философіи Фейербаха. Религію онъ производитъ отъ чувства зависимости первобытнаго, безпомощнаго человѣка отъ различныхъ предметовъ и явленій природы; отъ того первая форма религіи есть обожаніе предметовъ природы (*фетишизмъ*). За тѣмъ человѣкъ приписываетъ предметамъ природы духовныя и челоѣкообразныя свойства; наконецъ, не находя въ природѣ ничего лучше самого себя, обоготворяетъ созданный имъ самимъ собственный идеаль.

сего вопроса мы ближайшимъ образомъ должны искать въ исторіи. Не опасаясь впасть въ крайнюю произвольность мнѣній, мы не можемъ опредѣлять ходъ дѣйствительныхъ событій, не зная ихъ, и на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній гадать о томъ, что должно было и какъ случиться. Въ исторіи ищутъ главныхъ основаній для своего взгляда на религію защитники постепеннаго усовершенствованія ея; и философскія системы, устанавливая теоретически законы раскрытія религіозныхъ понятій, стараются оправдать свои положенія изображеніемъ исторической преемственности религій, стараясь доказать истину теоріи попытками найти осуществленіе ея въ самой дѣйствительности. Такимъ образомъ, обращаясь къ исторіи, мы прибѣгаемъ къ суду той самой науки, у которой ищутъ благопріятныхъ для себя свидѣтельствъ и историки и философы, защищающіе разсматриваемую нами теорію религіи,—суду, законности котораго, слѣдовательно, отвергнуть они не могутъ.

„Неоспоримая истина, говоритъ Юмъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о религіи, что восходя лѣтъ за 1700 до Рождества Христова, мы находимъ всѣ народы идолопоклонническими, что чѣмъ болѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ болѣе находимъ людей погруженными въ идолопоклонство. Мы не замѣчаемъ тамъ ни малѣйшаго слѣда болѣе совершенной религіи; всѣ древніе памятники представляютъ намъ полиеизмъ, какъ ученіе утвердившееся и всѣми признаваемое... Если же, сколько мы можемъ слѣдовать за нитью исторіи, мы находимъ человѣчество преданнымъ многобожію, то можемъ ли мы думать, чтобы во времена болѣе отдаленныя, прежде открытія наукъ и искусствъ, могла существовать болѣе совершенная религія, могли бы преобладать начала чистаго единобожія? Думать такъ, значило бы утверждать, что люди открыли истину, когда были невѣжественными и варварами, а какъ скоро начали образовываться и научаться, впали въ заблужденіе“ *).

Вотъ заключеніе, которое выводится изъ историческихъ изслѣдованій учеными, защищающими мысль о грубости первоначальной религіи и постепенности ея усовершенія.

*) Hume, Hist. natur. de la Relig. p. 732. 733. въ Demonstr. Evang. Tom. VII.

Но основательно ли будетъ это заключеніе даже въ такомъ случаѣ, если мы на время допустимъ истинность перваго историческаго положенія:—что всѣ народы исторія находитъ первоначально въ идолопоклонствѣ и многобожіи? Имѣетъ ли это положеніе то значеніе, какое ему приписываютъ? Слѣдуетъ ли изъ него, что и первобытная религія была грубымъ многобожіемъ? Очевидно нѣтъ. Какъ ни древни сохранившіяся до нашего времени письменныя или археологическія свидѣтельства языческихъ народовъ о многобожіи въ древнія времена, они могутъ говорить только о религіозномъ состояніи той эпохи, къ которой они принадлежатъ, или временъ очень къ ней близкихъ. Но что даетъ намъ право переносить это состояніе и на предшествующія отдаленныя времена? Нельзя забывать, что самыя древнія изъ извѣстныхъ намъ историческихъ свидѣтельствъ принадлежатъ далеко не первобытнымъ временамъ, что за тѣми временами, о которыхъ сохранились историческія воспоминанія, находятся еще древнѣйшія времена первобытной жизни рода человѣческаго, къ которой ничто не даетъ намъ права прилагать тѣ заключенія, которыя мы могли бы вывести изъ наблюденія надъ религіею, хотя очень древнихъ, но не древнѣйшихъ и первоначальныхъ временъ. Существованіе рода человѣческаго, а съ нимъ и религіи, далеко восходитъ за день явленія исторіи и письменныхъ памятниковъ у народовъ языческихъ, такъ что, если и дѣйствительно, въ эпоху, указываемую древними историческими свидѣтельствами, всѣ народы жили въ многобожіи, то отсюда никакъ еще нельзя заключать, что этотъ же видъ религіи былъ господствующимъ и во времена предшествовавшія сей эпохѣ. Такое заключеніе было бы не историческимъ выводомъ, а слѣдствіемъ предзанятой уже мысли о постепенномъ усовершенствованіи религіи, какъ естественномъ законѣ ея развитія, мысли, что религія съ теченіемъ времени могла только усовершенствоваться, а не упасть, что слѣдовательно, если она несовершенна въ данное время, то прежде должна быть еще несовершеннѣе и хуже. Мысль, очевидно, привнесенная отвлѣ для объясненія исторіи,— а не ею прямо доказываемая и объясняемая *).

*) Эту мысль, какъ мы видѣли, дѣйствительно и высказываетъ Юмъ, какъ основаніе своего мнимо-историческаго вывода. Утверждая, что древность многобожія не допускаетъ насъ признать мысли о первобытной, болѣе со-

Такимъ образомъ, если бы и дѣйствительно всѣ историческія свидѣтельства единогласно говорили о грубости религіи тѣхъ временъ, коимъ они принадлежатъ, то эти свидѣтельства для безпристрастнаго изслѣдователя, не увлеченнаго никакою предзанятою мыслію, не могутъ быть доказательствомъ грубости и первобытной религіи. Онѣ доказывали бы только, что заблужденія многобожія въ родѣ человѣческомъ очень древни, — не болѣе.

Но справедливо ли теперь самое основное историческое положеніе, изъ котораго думаютъ выводить послѣдующее изъ него заключеніе? Дѣйствительно ли „неоспоримая истина“, какъ говоритъ Юмъ, и какъ думаютъ защитники теоріи постепеннаго усовершенствованія религіи, что родъ человѣческой такъ далеко, какъ достигаютъ историческіе памятники, является погруженнымъ въ многобожіе? Дѣйствительно ли въ древности мы не можемъ найти никакихъ слѣдовъ понятій болѣе возвышенныхъ и чистыхъ, чѣмъ заблужденія язычества, и такимъ образомъ должны отказаться отъ всякой надежды уяснить историческимъ путемъ вопросъ о первоначальной религіи?

Для рѣшенія сего вопроса обратимся къ самымъ историческимъ свидѣтельствамъ, кои могутъ служить основаніемъ къ заключенію о древнѣйшемъ религіозномъ состояніи человечества. Очевидно, чтобы быть вѣрными и годными для этой цѣли, они должны, или принадлежать къ очень древнимъ временамъ, и въ такомъ случаѣ, чѣмъ древнѣе они, тѣмъ прямѣе относятся къ своему предмету — религіи, тѣмъ болшую степень достовѣрности они имѣютъ; или, если они сами по себѣ и не древни, то должны сохранять въ себѣ вѣрныя указанія на древнѣйшія религіозныя вѣрованія. Перваго рода свидѣтельства, болѣе важныя, заключаются въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ религіознаго содержанія, принадлежащихъ древнимъ народамъ; послѣднія состоятъ въ указаніи религіозныхъ вѣрованій тѣхъ народовъ и племенъ, которые обыкновенно называются дикими, и кои, не будучи подвер-

вершенной религіи, онъ доказываетъ это тѣмъ, что думать иначе, значило бы утверждать, что люди знали ее, когда были невѣждами, и забыли ее, когда стали образованными, — что, по его мнѣнію, нелѣпно. Но на чемъ основывается такое рѣшительное сужденіе?